

ЭО, 2008 г., № 4

© Е. И. Нестерова

**АТЛАНТИДА ГОРОДСКОГО МАСШТАБА:
КИТАЙСКИЕ КВАРТАЛЫ
В ДАЛЬНЕВОСТОЧНЫХ ГОРОДАХ
(КОНЕЦ XIX – НАЧАЛО XX в.)**

Китайский квартал –
место драконов и снов,
светлячков и воспоминаний
Китайский квартал –
полон чудес и магии,
фейерверков на Новый год
и восхитительных запахов на каждом углу
Китайский квартал – где каждый день
приносит что-то знакомое
и что-то чудесно-новое
маленькому мальчику
Китайский квартал – дом?
Кам Мак. "Мой Чайнатаун"
(перевод С. Кваши)

Точную численность китайцев, проживавших до революции на русском Дальнем Востоке, не назовет ни один исследователь. Причин тому несколько: это и характерные особенности адаптации китайцев, и маятниковый характер миграции, и несовершенство методов учета мигрантов, и недостаток внимания русской администрации к "желтому вопросу". Примерные оценки колеблются между 100 и 250 тыс. Дешевый китайский труд был востребован в сельском хозяйстве, горной промышленности, на строительстве и при выполнении различных казенных подрядов. В городах китайцы занимались торговлей, содержали мастерские, закусочные, прачечные.

Там, где появляется большое количество китайцев, рано или поздно образуются чайнатауны. Мировая практика знает два основных пути их возникновения – органический и искусственный. Чаще всего они возникают естественным путем. Первые появившиеся в городе китайцы облюбовывают улицу, арендуют, а затем и строят там дома под жилье, магазины, рестораны и т.д. Постепенно территория, где живут по-китайски, расширяется, занимая ближайшие улицы, а иногда и кварталы. Такой процесс бурно начался в США в 50-е годы XIX в., однако из-за политических коллизий он практически сошел на "нет" в начале 1880-х годов. За этот период в Сан-Франциско, Сиэтле, Окленде, Бостоне, Нью-Йорке и других городах появились районы, названные горожанами "маленьким Кантоном", "маленьким Шанхаем"; тогда же в калифорнийской прессе появился и сам термин "чайнатаун".

Сингапур демонстрирует пример второго варианта. Там появление чайнатауна тщательно планировалось. В ноябре 1822 г. известный британский колониальный деятель Томас Раффлз написал в городской комитет записку о размещении различных этнических групп на острове. Он полагал целесообразным поселить китайцев в отдельном Китайском квартале, расположенном к юго-западу от реки. Тщательно прописыва-

Елена Ивановна Нестерова – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории культуры Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва); e-mail: blb2@mail.ru

лись строительные нормы, как и из чего должны быть построены дома. Учитывалась роль землячеств и кланов: в Китайском квартале предполагалось провести дополнительную дифференциацию для компактного проживания выходцев из разных провинций. Контроль над сохранением законности и порядка возлагался на китайских старшин. В рамках этой модели закреплялась ситуация параллельного сосуществования двух инокультурных миров, при минимальном вмешательстве европейцев в повседневную жизнь китайской общины.

Не остались в стороне от процесса формирования чайнатаунов и города Дальнего Востока России. По официальной статистике, в 1899 г. во Владивостоке, Хабаровске и Никольске-Уссурийском проживали 19 490 китайцев. Кто-то из них создал свой крупный бизнес, кто-то перебивался случайными заработками, одни оседали надолго, другие приезжали на сезон. Однако в глазах жителей российской окраины все они были просто китайцами, "другими", отличавшимися не только экзотическим внешним видом, но и укладом жизни, способом ведения дел, верованиями, бытовой культурой, традициями. Частью они проживали компактно, частью были рассеяны по всему городскому пространству. Постепенно китайцы все больше концентрировались, формируя китайские кварталы и слободки, собственные российские чайнатауны. Во многом этому способствовала политика властей. В отечественной историографии проблема формирования, развития, внутренней организации китайских кварталов отражена крайне слабо (*Сорокина* 2001а: 63–68, 2001б: 54–74; *Нестерова* 2001: 57–62). Поэтому в данной статье предпринимается попытка рассмотреть историю формирования китайских кварталов в городах Дальнего Востока и их место в городском ландшафте.

Китайские кварталы в русских городах: взгляд русской администрации

Практически во всех дальневосточных городах к началу XX в. стихийно возникли китайские слободки. Первоначально у русской администрации не было и мысли о выделении специальных районов для их создания. Когда в 1862 г. к начальнику поста Владивосток Е.С. Бурачку обратились восемь китайцев с просьбой выделить земельные участки, то им было предложено построить свои жилища в линию русских домов непосредственно на территории поста. И только после их отказа китайцам выделили особое место на западном берегу бухты Золотой Рог, где каждому отвели по участку в 70 квадратных сажень (*Бурачек Е., Бурачек В.* 1999: 120). Согласно архивным документам, уже в конце 60-х – начале 70-х годов XIX в. среди владельцев земли на территории поста было, по всей видимости, несколько крещеных китайцев (РГИАДВ 1: Д. 4а. Л. 2; Д. 7. Л. 45 об. – 46, 52). Они занимались огородничеством и торговлей.

Именно благодаря торговле и возникают стихийно китайские кварталы. В 1860-е годы в самом центре Владивостока зарождается первый городской базар – манзовский¹, ставший к уже середине 1870-х годов местом компактного проживания китайцев и одновременно большой проблемой для городских властей. Китайцы застроили этот участок своими фанзами и лавками без соблюдения "правил архитектуры и без дозволения на постройку", абсолютно не реагируя на приказание полиции перенести фанзы в район Семеновского покоса (*Матвеев* 1990: 104). Все это в сочетании со страшной антисанитарией, невиданной скученностью и постоянной угрозой возникновения эпидемий требовало от русской администрации принятия решительных мер. Выход виделся в создании китайских кварталов, но не стихийно возникших и неуправляемых внутригородских поселений, а обустроенных в соответствии с принятыми нормами и контролируемых властями.

В результате многолетних усилий городской администрации "манзовский" базар удалось ликвидировать, вытеснив китайцев на отведенное место. Со временем они освоились и на Семеновском покосе, и в прилегающих к нему кварталах, позже получивших название "Миллионки".

Стихийные китайские кварталы возникали не только в городах, но и в селах. Так, в с. Никольском, ставшем впоследствии городом Никольск-Уссурийским, основная масса китайского населения также размещалась на "старом манзовском базаре". Начало официальной застройки относится к 1881 г., когда китайцам, проживавшим в с. Никольском, разрешили занять около 20 участков земли. В 1895 г. "старый манзовский базар" представлял собой мини-город, обнесенный глухим двухметровым забором. Попастъ на его территорию можно было с трех главных городских улиц через запиравшиеся на ночь ворота. «Дома там, большей частью, каменные, довольно большие и красивой архитектуры, приспособленные как для торговых лавок, так и для китайских жилищ. Есть отдельные ночлежные дома, гостиницы, трактиры, кухмистерские, пивные лавки и даже своего рода кабаки. Есть такие бойкие пункты этой отрасли торговли, что по рассказам одного манзы, выручают от продажи "кашно сонце 30, 40 руб. ...Много, много получай денга, богата манза есть!"» (*Знаменская* 1895: 2).

Шел одновременно и процесс дисперсного расселения китайцев. Во Владивостокскую городскую управу поступало немало жалоб, подобных заявлению подпоручика Клепикова: "Весной нынешнего года (1874 г.) я купил с торгов в городском управлении покос на арендное содержание по обе стороны бухты Улисс. По приходе на покос я застал там поселившихся в трех местах манз, которые самые лучшие места покоса распахали под огород, а между тем городское управление взыскало с меня за место 111 рублей" (РГИАДВ 1: Д. 4. Л. 76–76 об.). Управа пыталась бороться с подобной практикой, но это были разовые мероприятия, которые не могли решить проблему.

В начале 1880-х годов администрация Владивостока приняла решение, знаменующее собой переход к новым методам структурирования городского пространства. В 1884 г. городской управой был разработан проект отмежевания в пригороде особого китайского квартала с правильными улицами и маломерными участками (около 50 квадратных сажений). Участки сдавались в аренду на четыре года. Затем деревянные строения, возведенные с соблюдением требований Строительного устава, переходили в собственность города, а каменные отдавались владельцу за ту же плату еще на четыре года. Однако на таких условиях было арендовано только три участка с двумя фанзами (Там же: Д. 234. Л. 126), что означало полный провал задуманного. С этого началась серия проектов устройства китайского района во Владивостоке. Администрации города потребовалось не меньше десятилетия, чтобы с большим трудом переселить китайцев на отведенные места и с еще большими усилиями регламентировать там жизнь.

В 1886 г. комиссия И.И. Маковского разработала новые правила – китайцам запрещалось приобретение недвижимости в городе, а для их поселения около городской черты рекомендовалось отвести участки из городских наделов, установив срок аренды до 99 лет. Несмотря на утверждение (июль 1886 г.) и опубликование (март 1887 г.) этих правил, китайцы продолжали селиться по всему городу и как собственники участков, и как арендаторы.

Строительство китайских кварталов во Владивостоке отодвинулось на неопределенный срок (АВПРИ 1: Д. 770. Л. 14). В апреле-мае 1888 г. городская управа, ссылаясь на эти правила, просила полицию выселить китайцев в отведенный постановлением Думы квартал на Фельдшерском покосе. Выполнению этого решения помешало отсутствие финансов для возведения построек. К 1888 г. на Фельдшерском покосе китайцами было возведено лишь две фанзы (РГИАДВ 1: Д. 96. Л. 37).

В сентябре 1888 г. фортуна повернулась лицом к городской администрации. Появился человек, готовый обустроить китайский квартал. Купец второй гильдии А.Н. Буркот подал в управу заявление об аренде одного из кварталов, состоявшего из семи участков. Он обязался за год застроить участки зданиями по планам, утвержденным управой. По сравнению с правилами 1884 г. увеличивались сроки аренды: для участков с деревянными постройками – до пяти лет, с каменными – до восьми. Арендная плата была

относительно невысока – 126 руб. в год за все семь участков. При успехе этого первого опыта городские власти могли рассчитывать на привлечение и других частных капиталов в такое довольно прибыльное при грамотной организации дело. Однако вскоре уже взявший ссуду в банке А.Н. Буркот пропал без вести на охоте. Проект осуществлен не был (Там же: Д. 234. Л. 126–127).

В 1891 г. городская администрация решила создать китайский квартал в районе Куперовской пади, куда с 1884 г. вывозили нечистоты и навоз. Территорию разделили на участки по 400 квадратных саженьей, но выработка условий аренды затягивалась. Ситуация к тому времени осложнилась тем, что весной 1892 г. в город прибыло на заработки более 10 тыс. китайцев. Владивосток не мог обеспечить их работой, поэтому многие оказались в бедственном положении. Особенно тяжелая ситуация сложилась на Семеновском покосе, ранее отведенном для поселения китайцев. Угроза возникновения эпидемии заставила городскую администрацию вновь вернуться к вопросу об организации китайского квартала (РГИАДВ 2: 7–9). В 1892 г. военный губернатор Приморской области отдал устное распоряжение о переселении в отдельный квартал хотя бы части китайцев.

Городская управа представила в Думу план поселения в Куперовской пади, утвержденный на заседаниях 24 октября и 20 ноября 1892 г. Отвод участка осуществлялся на основании личного заявления арендатора, с приложением планов строений. Годовая плата составляла 20 руб. Срок аренды при постройке деревянного дома составлял 5 лет, каменного – 10 лет. По истечении срока земля и постройки переходили в собственность города.

Сразу началось заселение. Оно шло сложно, но городские власти проявили настойчивость. В связи со спешкой условия, выработанные Думой, во многих случаях соблюдены не были. Дома строились на скорую руку, часто без всяких планов, в некоторых местах просто поставили палатки и соорудили дощатые навесы. Военный губернатор Приморской области П.Ф. Унтербергер, посетивший поселок, отметил скученность построек и отсутствие порядка (*Яворская* 2002: 362). В марте 1894 г. городская Дума, озабоченная отсутствием дохода от Куперовской пади, решила создать комиссию для выяснения количества застроенных участков и надзора за соблюдением Строительного устава. Было решено взять с хозяев, чьи постройки соответствовали требованиям, арендную плату за первое полугодие 1893 г. и заключить с ними договоры аренды, остальные постройки принять по акту (РГИАДВ 2: 7 об.). Через пять лет, согласно описи, составленной заведующим городскими угодьями, подавляющее большинство участков в Куперовской пади было застроено деревянными фанзами, 72 из 121 принадлежали китайцам (*Яворская* 2002: 362). Планировка не соблюдалась, дома строились без проектов, зачастую вплотную друг к другу, что делало район чрезвычайно пожароопасным. Создание этого квартала не решило проблему – уже 23 июня 1893 г. полицмейстер уведомил управу, что выселять китайцев и корейцев больше некуда, поскольку Куперовская падь переполнена.

Вместе с тем вплоть до 1899 г. городская администрация не предпринимала новых шагов, занимаясь поиском места и рассмотрением частных инициатив. Владивостокские предприниматели, сообразив, какие выгоды можно получить от эксплуатации китайских кварталов, стали предлагать властям свои услуги. В мае 1897 г. китайский подданный Тайхо подал прошение о передаче ему в аренду четырех десятин земли для устройства китайских ночлежных домов, обязуясь к 1 ноября построить фанзы, способные вместить до 1000 человек. Он брал обязательство содержать фельдшера и вести список квартирантов. Рядом со зданиями предполагалось соорудить крытые навесы для скота. Городу Тайхо обещал платить по 50 руб. за десятину. Через 8 лет он был готов сдать городу деревянные строения, а через 12 – каменные (РГИАДВ 1: Д. 234. Л. 4). По неизвестной причине городскую администрацию не устроили эти предложения.

Год спустя гласный Думы В.Е. Филипченко попросил город отвести ему участок под строительство домов для 10 тыс. китайцев. В течение 10 лет все доходы от аренды помещений должны были поступать лично ему, а по истечении этого срока китайский квартал стал бы собственностью города (Там же: 8–10). Дума отложила принятие решения.

В 1899 г. городская управа выдвинула свой вариант, предусматривавший создание шести кварталов. В каждом квартале планировалось возвести бараки, вмещавшие до 1200 человек, кухни, отхожие места, помойные ямы. В китайском городке предполагалось проложить дороги, вырыть канавы, построить врачебный и полицейский пункты, аптеку, постоялый двор, здание пожарной части. По предварительным расчетам застройка одного квартала оценивалась в 172 800 руб. Городская управа имела и кандидата, готового осуществить этот проект, при условии передачи ему китайского городка в безвозмездное пользование на 10 лет. Им был все тот же гласный Думы В.Е. Филипченко. По самым скромным подсчетам этот проект мог принести ему около 1 млн руб., без учета доходов от традиционных махинаций с арендой и субарендой, нелегальными мигрантами, опиумокурильнями и банковками².

Рассматривался и другой вариант, согласно которому отведенное место распределялось на отдельные участки (размером 10 × 10 квадратных саженей), сдаваемые в аренду за фиксированную плату.

И тот, и другой варианты имели своих противников и сторонников, но прежде всего необходимо было решить главный вопрос – найти участок, удовлетворявший и город, и военное ведомство, и самих китайцев. 8 декабря 1899 г. Думой была создана очередная комиссия для осмотра мест, предназначенных под поселение.

А в городской управе уже отказываются от идеи доходности китайского квартала. Приходит понимание того, что нужно идти на расходы, лишь бы предотвратить эпидемии. Скептическим становится отношение к идее частного подряда. Оптимальным вариантом признается строительство китайского квартала на средства города, но денег в бюджете нет. В который раз ситуация признается тупиковой.

Между тем проблемой расселения китайцев озаботились уже и столичные чиновники. Причиной тому стала ситуация в Хабаровске. Здесь в последней четверти XIX в. стихийно сформировались два района компактного проживания китайцев. 11 августа 1899 г. военный губернатор Приморской области подписал постановление, определявшее порядок выселения китайских подданных в особые кварталы. Китайцам и корейцам, не являвшимся русскими подданными и не имевшим в городе недвижимой собственности, запрещалось "проживание в других частях Хабаровска, не исключая и фанз инженерного ведомства, кроме как только в кварталах 95 и 97, по Поповской улице и за речкой Лесопилкой". Для некоторых категорий рабочих делалось исключение (АВПРИ 1: Д. 751. Л. 184–184 об.).

Это решение вызвало протест со стороны китайских купцов, считавших такую меру несправедливой, поскольку она распространялась лишь на китайцев, а не на всех иностранцев. Они полагали также, что решение вызвано не озабоченностью санитарным состоянием, а желанием увеличить городской доход, ведь каждый переселявшийся китаец должен был заплатить городу по 6 руб. за квадратную сажень земли, в то же время "за эту цену можно приобрести участок в городе в полное владение" (Там же: 182). Вызывали их недоумение и сроки переселения – две недели.

Китайские жители Хабаровска обратились с жалобой в Сенат, а в июле 1902 г. еще и к китайскому посланнику в Санкт-Петербурге, прося его ходатайствовать перед русскими властями об отмене решения (Там же: 174). Сенат поручил рассмотрение жалобы военному министерству и министерству внутренних дел. Военный министр признал действия губернатора правильными. Министр внутренних дел, поддержав его, отметил, что это распоряжение противоречит ст. 822 Свода законов Российской империи, согласно которой "иностранцы, находящиеся в России, как лично, так и по имуществу

их, подлежат действию российских законов и пользуются общею оных защитою и покровительством" (Там же: 185 об.). Он рекомендовал изменить закон, предоставив городским думам Приамурского генерал-губернаторства право издавать обязательные постановления, ограничивавшие право жительства китайцев и корейцев в городах.

29 сентября 1902 г. такое право императором было даровано. Думы городов Приамурского генерал-губернаторства могли на законном основании "составлять обязательные постановления об ограничении особыми кварталами в пределах означенных городов жительства тех из азиатцев, антисанитарные условия коих вызывают необходимость особого за ними надзора". На базе таких постановлений были образованы официальные китайские и корейские кварталы в Никольске-Уссурийском (7 декабря 1902 г.), Николаевске (1 августа 1903 г.), Хабаровске (25 ноября 1903 г.), Владивостоке (25 апреля 1906 г.), Благовещенске (24 ноября 1910 г.) (РГИАДВ 3: 12).

Правила, регулировавшие образование отдельных кварталов, во всех городах были одинаковы. За их пределами могло жить только ограниченное число категорий китайцев – иностранных подданных: владельцы недвижимости; прислуга у жителей города (не более пяти человек на хозяйство, включая ночных сторожей); рабочие "в числе определенном в выбираемых документах на промышленные предприятия"; лица, "производящие торговлю или занимающиеся промыслами и выбирающие документы 1 и 2 разряда торговых и 1–5 разряда промышленных предприятий и приказчики 1 класса торговых и промышленных предприятий" (Граве 1912: 126–127).

Издание постановлений не решило проблемы. Во Владивостоке вплоть до 1914 г. шли безуспешные поиски территории под китайский квартал. Кроме того городская администрация сталкивалась с недовольством влиятельных городских домовладельцев, получавших значительные доходы от сдачи китайцам квартир в аренду. Чтобы представить себе размер прибыли, получаемой от подобных операций, приведем конкретный пример. В 1911 г. в доме, принадлежащем купцу Ван-и-лину, проживало около 3 тыс. китайцев. Каждый ежемесячно платил хозяину по 3 руб. в месяц. По оценке экспертов, тот же дом, приспособленный под квартиры для европейцев, приносил бы дохода в 9 раз меньше (ГАХК 1: 43).

Вопрос о наиболее удобном расположении китайско-корейских кварталов во Владивостоке не был окончательно решен и в 1914 г. Во всеподданнейшем отчете военный губернатор Приморской области А.Д. Сташевский писал: "проживание желтых в области ничего, кроме целого ряда неудобств и ущерба для нас не дает... надзор за желтыми будет лучше, когда осуществится проект выселения их в особые кварталы, отдельные от европейцев" (ГАПК: 192, 196). Тем не менее прибыль домовладельцев оставалась решающим аргументом против такого решения вопроса. На заседании городской Думы в феврале 1914 г., рассматривавшей в очередной раз вопрос о выселении китайцев в особый квартал, прямо говорилось: "мы разорим тех домовладельцев, которые только и живут квартирной платой именно от китайцев". Та же мысль высказывалась и на закрытом заседании городской Думы 27 февраля 1915 г., когда был выработан "Проект обязательных постановлений о праве жительства китайцев и корейцев в г. Владивостоке" (РГИАДВ 4: 44 об.). По предложению участника заседания Н.Г. Рачкова устанавливался конкретный срок после окончания войны (год), после которого следовало начинать выселять китайцев из центра города (Там же).

Итак, в создании официальных китайских кварталов администрация Владивостока потерпела фиаско. Предполагаемый идеальный китайский квартал – спланированный архитектором, застроенный сооружениями, не нарушающими Строительный устав, отвечающий элементарным нормам санитарии и приносящий доход городу – оказался утопией. Но отсутствие китайских кварталов де-юре не отменяло их существования де-факто.

"Китайская жизнь" в русских городах

Что же представляли собой стихийно возникшие места компактного проживания китайцев в дальневосточных городах? На улицах, во дворах-базарчиках, наспихованных мелкими лавчонками, наспех сколоченными из досок, кипела торговля вразнос мелкими товарами, съестными припасами, безделушками, золотом и старьем. Дымилась переносные кухни, распространяя ужасный запах бобового масла. Масса китайцев постоянно сновала в проходах, по лестницам домов, кричала, торговала, обедала, а рядом, в грязных и душных театрах, в густом дыму над небольшими четырехугольными столиками, расставленными в партере, без умолку звучала китайская музыка, шокировавшая слух европейцев, казавшаяся сплошным, беспорядочным и одуряющим гулом. В "бесконечно скором" движении и смене пьес, исполнявшихся в "крайне реалистической" манере, классический репертуар становился событием дня сегодняшнего и сопровождался громкими криками возбужденной публики. Но и тут не прекращался торг: в проходах между столами (*Соколов*).

Как же была организована жизнь в китайских кварталах? Отличительная особенность традиционного китайского общества – многочисленность различных социальных объединений, пронизывающих его как по вертикали, так и по горизонтали. Помимо этнической и сословной дифференциации, достаточно вспомнить многоступенчатую систему цехов, торговых и ростовщических гильдий, роль клановой системы и землячеств, тайные общества (*хуэйдань*) и религиозные секты (*цзяомэнь*).

Попадая на новую территорию, китайские мигранты воспроизводили привычные им институты и формы социальных связей. Имеющиеся данные позволяют выделить объединения, типологически относящиеся и к цехогильдиям, и к хуэйданам, и к цзяомэнь. Однако их деятельность исследована мало, что во многом объясняется скудостью источниковой базы. Большинство обществ не были официально легализованы, поэтому русские власти не имели о них целостного представления. К концу XIX в. у представителей региональной элиты сформировалось представление, что все китайцы русского Дальнего Востока объединены в какие-то организации. Однако дальше констатации недопустимости такого положения дело не пошло. В начале XX в. делались попытки изменить ситуацию. В 1910 г. в рамках работавшей в Приамурье Амурской экспедиции было проведено комплексное исследование положения азиатских мигрантов. В.В. Граве пришел к выводу: "в принципе общества совершенно недопустимы, т.к. в конце концов, как тайные, так и легализованные, являются не чем иным, как органами, управляющими китайцами в крае, фактически присваивая себе административные и судебные функции государства. Тем более недопустимыми являются те общества, которые распространяют свою компетенцию на русских подданных". Но при отсутствии реальной возможности контролировать китайцев "лучше иметь дело с явно действующими главными китайскими обществами, чем с тайными".

В 1911 г. по поручению приамурского генерал-губернатора был продолжен сбор сведений о китайских, корейских и японских обществах. Список китайских обществ удивляет своей скудостью, но в принципе отражает уровень знания местной власти о ситуации на местах: три легализованных общества взаимного вспомоществования (Владивосток, Никольск-Уссурийский, Хабаровск) и полный информационный вакуум о том, что делается на остальной территории. Дипломатический чиновник при амурском генерал-губернаторе Н. Богоявленский, оценивая роль обществ взаимного вспомоществования, отмечал, что они являются биржей, где совершаются сделки как на товары, так и на фонды; это суд, разбирающий как гражданские, так иногда и уголовные дела. Это клуб, куда собираются члены для развлечения, устраиваются торжества по случаю национальных китайских праздников и т.д., это и политическое общество, где обсуждались разные вопросы внутренней и внешней политики Китая.

Гораздо меньше сведений о других китайских организациях в городах. Н. Богоявленский отмечал, что все рабочие одной специальности входят в союзы и действуют по указанию руководства союзов, в связи с чем у них нет конкуренции. Так, Хабаровск был разделен китайскими водовозами на участки, и за каждым закреплялся определенный район (АВПРИ 1: Д. 763. Л. 137). Позже он охарактеризовал это явление подробнее: "являющиеся к нам китайские рабочие группируются по специальностям, вроде прежних цехов. Все вообще китайцы, проживающие в данном месте, составляют почти всегда общество. Такие общества, собственно говоря, не имеют определенной, строго проведенной организации, они образуются как бы сами собой, по обычаю, но они все-таки следуют известному порядку, в силу которого руководят такими обществами более богатые или почему-либо влиятельные китайцы. Такую роль большей частью играют купцы, профессия, которых пользуется в Китае особым уважением" (Там же: Д. 1097. Л. 17–17 об.). В.В. Граве писал, что такие объединения есть не только среди торговцев, но и среди каменщиков, плотников, водовозов, огородников, кирпичников, прислуги (Там же: Д. 750. Л. 159).

Объединения китайцев базировались не только на профессиональных, но и на личных связях. Л. Иванов, Д.И. Шрейдер, отмечая, что среди китайцев высоко развито чувство товарищества, приводили в качестве примера описание обычая "кады", благодаря которому устанавливались побратимские связи и образовывались так называемые братства (Иванов 1914: 5; Шрейдер 1897: 109). Русская администрация, зная о существовании подобных обществ, редко получала достоверную информацию о них. Однако в 1903 г. во Владивостоке удалось установить поименно членский состав двух организаций – "Братства единодушия" и "Братского товарищества".

По свидетельству побратимов, подобные общества возникли во Владивостоке с момента появления в нем китайцев. "Таких обществ во Владивостоке много, много их и в Китае, но нам во Владивостоке они еще нужнее, чем в Китае. Не имея здесь ни жен, ни дочерей, которые могли бы за нами ухаживать в случае болезни, мы дали по нашим обычаям друг другу клятву в кумирне, что будем друг другу помогать, вести себя прилично и почитать старших". Существование обществ, по свидетельству китайцев, "не скрывалось и не скрывается". Традиционно на оборотной стороне новогодних визитных карточек китайцы Владивостока писали, к какому обществу они принадлежат.

Китайские кварталы были не только населены, по мнению русских, экзотическими людьми, но и являлись той частью городского пространства, где сосредоточивались необычные для русского обывателя заведения, – кумирни, театры, магазины китайских товаров, опиекурильни, харчевни.

Если харчевни, банковки, опиекурильни появились относительно рано, то сооружения китайских храмов, театров можно отнести к концу XIX в. Цао Тинцзе, посетивший Хабаровск в 1885 г., описал китайский храм, где поклонялись рисованным изображениям Гуань-шэня, Цзян-шэня и Шань-шэня. Эта деревянная кумирня, расположенная почти над самым обрывом в пади р. Плюснинки, просуществовала до 1887 г. Купец Тифонтай подал в 1887 г. губернатору прошение о разрешении постройки китайской молельни на его участке. Прошение удовлетворили, на месте ветхого здания возвели новое, установив внутри храма доставленные из Китая каменные статуи Будды и Конфуция. Спустя время в новой китайской слободе появился второй китайский храм.

Ситуация с появлением китайского храма во Владивостоке более запутанная. Около 1880 г., по сведениям китайского коммерческого агента Ли Цзяо, китайское купечество купило недалеко от ул. Светланской участок земли для кумирни. Через несколько лет он был обменен на другой, поскольку за неимением в городе православного каменного храма власти не разрешили построить каменное культовое здание иной конфессии (РГИАДВ 1: Д. 234. Л. 12). По воспоминаниям старожилов, китайская кумирня уже в 1885 г. находилась на Фельдшерском покосе. Сменивший Ли Цзяо Гуй

Фан в 1910 г. сообщал китайскому посланнику в Петербурге, что буддийский храм во Владивостоке действовал с 1883 г. (АВПРИ 2: 3).

Помимо выполнения религиозных функций, храмы являлись местом проведения социально значимых мероприятий, где давались побратимские клятвы. В них находили временное пристанище китайцы, почившие в бозе на чужбине, здесь их тела дожидались отправки на родину. Зачастую эта ситуация доставляла изрядные неудобства остальным горожанам. Так, в январе 1899 г. старший врач Владивостокской городской больницы Тенчинский обратился в городскую управу с просьбой о переносе китайского храма подальше от больницы, так как китайцы, собираясь толпами, "засоряют почву"; во время праздников постоянно шумят трещотки, а во дворе кумирни находятся временные (до отправки тел в Китай) захоронения умерших (РГИАДВ 1: Д. 234. Л. 15).

Кроме того, как принято в Китае, до постройки стационарных зданий театров рядом с храмом давались представления. При этом подмостки устраивались напротив главного алтаря, чтобы у приоткрытой двери дух мог насладиться игрой актеров (Алексеев 1958: 52; Китайские праздничные представления 1896: 7).

Впрочем, китайским театром могли наслаждаться не только духи – очень быстро эти "храмы культуры" стали неотъемлемой частью дальневосточных городов. Во временных владивостокских театрах все было устроено примерно так же, как на родине. Места в "партере" были и сидячие, и стоячие. За стоячие места публика не платила ничего. Если же зритель собирался насладиться представлением, устроившись с комфортом – сидя за столиком, установленным на специальных подмостках, то ему приходилось раскошелиться на 10 коп. Именно столько стоил билет на представление в 1897 г. Торговцы обеспечивали зрителей лакомствами и чаем. Театральные зрелища собирали толпы китайцев, подтверждая наблюдение В.М. Алексеева: "Трудно найти в Китае человека, который бы с детства не пристрастился к театру, который не смог бы пересказать немало пьес, спеть сотни арий, а главное – безошибочно разобраться в сложном смешении костюмов, грима, жестикуляций, акробатики, песен и танцев, т.е. всего того, что составляет китайское представление" (Алексеев 1966: 61).

Репертуар был разнообразным, игрались как классические пьесы, так и сочиненные на злобу дня. В ответ на постановку на русских сценах "Войны Японии с Китаем" китайские актеры играли "Войну Китая с Россией". "Россию представляли китайцы, одетые в русские костюмы, и, конечно, Россия оказывалась побежденной" (Ежегодно до 28 февраля 1897: 8). По мере роста численности китайской общины все настойчивее ставился вопрос о строительстве стационарных зданий для китайских театров. Где-то этот вопрос решался относительно быстро, где-то местная русская администрация не шла навстречу пожеланиям китайцев. Так, в 1897 г. начальство не разрешило открытие театра в с. Никольском; в 1910 г. был дан отрицательный ответ на аналогичное прошение китайца Лу-линь-шу в Благовещенске.

Первоначально театральные представления и во Владивостоке, и в Хабаровске давались временными труппами или актерами-любителями из местных китайцев. В.Ф. Духовская вспоминала: "На Военной горе, в открытом балагане, любители-китайцы дают драматические представления; пьесы большей частью исторические, и действия происходят три тысячи лет назад. Актеры денег за представление не берут, считая это за бесчестие, и перед их балаганом стоит несметная толпа китайцев" (Духовская 1900: 558). Наиболее бурной театральной жизнью была во Владивостоке и Хабаровске. Первый китайский профессиональный театр во Владивостоке, построенный в районе "Миллионки" китайским купцом Чэн Шанли, открылся в 1899 г., на месяц раньше русского. По ценам на билеты он был доступен разным слоям китайских жителей. Представления давались каждый вечер, а по выходным – и утром. В день показывались пять-шесть пьес, цирковые номера и гимнастические упражнения.

В Хабаровске в начале XX в. действовало три постоянных театра. В театрах, существовавших официально во Владивостоке, Никольск-Уссурийске и Хабаровске, а также в клубах других населенных пунктов не только устраивали представления, но и читали лекции. Нередко на китайских собраниях выступали ораторы с речами политического содержания. Здесь же прибывшими из Китая официальными лицами проводились разного рода патриотические кампании, почти не контролируемые русскими властями и полицией (Соловьев 1989: 84).

Китайские клубы и частные игорные дома были местами азартных игр: в банкотки, карты, кости, рулетку (Там же).

Сложности жизни на чужбине, ежедневный труд, фактическое отсутствие выходных сформировали в русском общественном сознании представление, что у китайцев совсем нет праздников кроме Нового года. Изучение источников вносит некоторые коррективы в эти представления. Действительно, главным праздником был и остается Новый год. Газета "Владивосток" писала: "В настоящее время героями дня у нас китайцы, они празднуют свой новый год – единственный большой праздник у них; есть, правда, у них еще несколько маленьких праздников, но правят их только те, кому нет надобности снискать себе пропитание работой, хотя эта работа была бы торговля, а таких и в Китае немного, здесь же совсем не отыщется" (В настоящее время 1897: 10).

Традиционно Новый год праздновали шумно. В 1888 г. китайские старшины Владивостока обратились к городскому голове И.И. Маковскому с просьбой разрешить им проведение "национально-общественных игр и представлений, с употреблением ракет (хлопушек)". При этом они ручались за сохранение в городе "должного порядка, благочиния и безопасности" (РГИАДВ 1: Д. 559. Л. 24). Традиционно устраивалось шествие с драконом. Процессию сопровождали акробаты на ходулях, музыканты с бубнами, барабанами, медными тарелками. Взрывались хлопушки, зажигались фонари и фейерверки. "Такое хождение всегда сопровождалось неистовым гамом огромной толпы китайцев и русских" (Корреспонденция 1896: 6).

Кроме Нового года отмечали китайцы и главный летний праздник (*дуань*), и праздник 15 числа 8 месяца (3 мая местные китайцы 1896: 8). Во время последнего праздника немногие из китайцев работали. В китайских дворах и на прилегающих улицах давались представления и проводились процессии (Местные китайцы 1896: 9).

Итак, китайское присутствие в дальневосточных русских городах проявлялось очень ярко и было представлено в самых различных формах. Вся описанная выше экзотика не была локализована в каком-то определенном районе города. Скорее напротив – в силу того, что идея выдворения расселившихся по всему городу китайцев в специальные кварталы не увенчалась успехом, китайское присутствие зримо ощущалось практически во всех уголках города.

Китайские кварталы в городском культурном ландшафте

А.А. Игнатьев в своих мемуарах "Пятьдесят лет в строю" писал: "Сильное впечатление производила на нас Китайская улица, находившаяся почти в центре..." (Игнатьев). Оборванная на полуслове цитата просто не позволяет определить, о каком городе идет речь. Хотя есть название улицы, указание на ее локализацию (почти центр города), никакой определенности нет. Она могла быть и во Владивостоке, и в Харбине, и в Иркутске, а если абстрагироваться от названия, то и в любом другом дальневосточном городе. Во всех этих городах в центре или рядом с ним мы видим подобные "китайские улицы", правда, называются они по-разному.

Продолжим цитату: "Много позже пришлось мне познакомиться с китайскими улицами Мукдена, и я убедился, что китайцы жили в Иркутске, почти ни в чем не изменяя своим исконным обычаям и нравам. В 80-х годах китайцы торговали в Иркутске морожеными фруктами, китайским сахаром, сладостями, фарфором и шелковыми изде-

лиями. Удовольствие от посещения их лачуг отравлялось постоянным и сильным запахом опиума и жареного бобового масла. Нас очень занимали их костюмы и длинные косы, но особенно – толстые подошвы, в которых, как мне объясняли, китайцы носили горсти родной земли, чтобы никогда с нее не сходить" (*Он же*). И впрямь, путешествие на эту улицу сродни путешествию в экзотическую страну – здесь и лакомства (мороженые фрукты, сладости), и колониальные товары (фарфор, шелк), и необычные на вид люди (длиннокосые мужчины, никогда не сходившие с родной земли), и чужие непривычные запахи.

Сегодня ни в одном дальневосточном городе в силу понятных причин не сохранились во всем своем великолепии те старые, дореволюционные китайские кварталы. Доживают свой век и дома – свидетели иной жизни, и люди, детьми или совсем молодыми людьми видевшие "ходей", "китаез". Но для исследователя китайский квартал (эдакая Атлантида городского масштаба) – это не только место проживания представителей определенного этнического сообщества; он интересен как особое место в социокультурном пространстве города, место локализации "другого".

Один из способов, при помощи которого можно реконструировать смысл этого места, понять его значение, – это анализ характеристик, которыми китайские кварталы наделяются в многообразных описаниях, оставленных путешественниками, писателями, чиновниками и самими горожанами.

Вот наиболее типичное описание владивостокской Миллионки: "Весь квартал соединялся массой общих проходов, можно было в одном конце квартала войти в дом, пройти все дома и в другом конце квартала выйти на улицу. Здесь действовало несколько опиекурлен, домов терпимости, комнат для азартных китайских игр, парикмахерских, масса харчевен. Большинство помещений на ночь превращались в ночлежки. Внутренний двор квартала был превращен в шумный китайский базар с большим количеством лавок, харчевен, переносных кухонь и т.п. Облако дыма и смрада постоянно висело куполом над двором" (*Соловьев 1989: 73–74*).

На примере Миллионки рассмотрим, какие "устойчивые культурные значения" закрепляются за китайскими кварталами. Наиболее часто этот район описывается как анклав иной культурной традиции, иного уклада жизни. "Загляните в любой манзовский квартал, хотя бы прилегающий к той же гостинице Золотой Рог или к каменным корпусам Гольденшtedта, и на вас, если вы даже не новичок здесь повеет совершенно другой чуждой атмосферой, ничего общего не имеющей с господствующей. Вы словно попадаете с улицы в другой особенный мир, с совершенно своеобразным колоритом. Этот хаос разных пристроек, надстроек, куча разного хлама, масса мелко нарубленных дров, крайне неопрятные, почти открытые отхожие места, в которых люди отправляют свои надобности открыто, потоки помоев, кухонных выбросков – и ко всему этому недружелюбные взгляды на вас обитателей квартала. Все это наводит на вас совершенно новое, непривычное впечатление, и вы на момент думаете, что очутились вдруг где-нибудь в настоящем Китае" (*От Владивостока 1894: 4–5*).

Помимо безусловной экзотичности, подобно пермскому Разгуляю, московской Сухаревке, за Миллионкой в сознании горожан закрепились "репутация низкого места, ямы, окраины со всеми присущими ей значениями криминально и санитарно неблагополучного места, временного, маргинального и в целом некоего пограничного места, находящегося в странной близости к городскому центру" (*Власова 2004: 301–302*). Китайские кварталы "не только заражали окрестную атмосферу, но и являлись очагом эпидемий, кожных болезней, разврата, преступлений" (*Южаков 1894: 28*).

В.Н. Соколов, проанализировав описания Миллионки, выделил еще несколько важнейших мотивов. Во-первых, китайские кварталы характеризуются большинством писателей как некий лабиринт, хаос тупиц, "замороженная пуганица", "чертовщина". Их пространство состоит из пестрой совокупности мрачных кирпичных зданий, вплотную примыкающих домов, колодезных дворов, ущелий-улочек, запутанных переулков,

проходных дворов, глухих тупичков, узких переходов, колодцев с винтовыми лестницами, высоких кирпичных стен, железных ворот, провалов в стенах, перекидных мостиков, галерей, подвалов, коридоров, проходных комнат, пробитых лазов, крыш, лестниц и т.д.

Вместе с тем хаос трущоб представляет собой своего рода сеть, клубок переплетенных и связанных на всех уровнях (колодцы, подвалы, комнаты, чердаки, крыши) помещений, из-за чего приходится кружить, "не поднимаясь и не опускаясь до уровня обычной улицы". В этой среде существует реальная опасность потерять ориентировку, сбиться с пути. Здесь "можно заблудиться", отсюда можно "не выбраться", тут страшно, ибо ходят слухи, что в этих трущобах "из людей варят мыло". В то же время – это место, где можно и затеряться, скрыться, раствориться, стать невидимым, спастись. Это – призрачное, обманное место...

Во-вторых, в описаниях отчетливо различим мотив "разбойного логова" – "пристанница", "легальной крыши" оборотней или людей неуместных, вечно пребывающих в пограничном состоянии: разбойников-хунхузов, контрабандистов, спекулянтов, проституток, наркоманов, "всякого рода отщепенцев". Довольно часто китайские кварталы описываются при помощи метафор "клоака", "улей", "сброс человечества", "дно" и т.д. В этом месте "процветает беззаконие", власть силы, рабство. Государственная власть бессильна перед Миллионкой, которая для нее непроницаема...

В-третьих, выделяется мотив игры, случая, праздника, мимолетности. В пространстве кварталов непрерывно совершается вечная смена верха и низа, успеха и неудачи, подъема и падения, бытия и небытия: "здесь в одну ночь можно стать богачом, или проиграть все, – душу и жизнь в том числе". Это некое "чудесное" место, обладающее свойствами "небытия" (*Соколов*).

С ростом городов восточные кварталы оказались расположенными в центре, и непривычная для российского обывателя жизнь стала выплескиваться за пределы границ, очерченных городскими властями, заполняя все городское пространство. Поразительно, но для впервые попавшего во Владивосток человека его своеобразие определялось именно восточным компонентом, скрыть, замаскировать, на худой конец, минимизировать влияние которого было невозможно.

Вот описание двух первых встреч с Владивостоком. Их разделяет не только почти 30 лет. По сути, это встречи с Владивостоком, поменявшим прописку, сменившим подданство. Если первый Владивосток – это город на окраине Российской империи, то второй – по-прежнему далекий, но уже "нашенский" город.

Встреча первая. Д.И. Шрейдер, чиновник, пробывший в крае в 1891–1893 гг.: "Странное впечатление производит Владивосток, когда видишь его впервые с бортов корабля... Тоскливое чувство против воли овладевает забравшимся впервые сюда с далекого запада путником. Это настроение еще более усиливается необычным видом этих оригинальных людей – то длинноносых, то с громадными на головах шишками – людей, облаченных в какое-то подобие женского костюма. Горланый непонятный нам говор этих странных... созданий еще более усиливает первоначальное впечатление. По улицам города снуют по всем направлениям китайцы, корейцы, японцы. Особенно много китайцев, русских почти совсем не видеть, да их здесь таки довольно мало по сравнению с сынами Небесной империи" (*Шрейдер* 1897: 6, 12).

Встреча вторая. Н.Н. Асеев, поэт-футурист, опубликовавший свой первый послеоктябрьский сборник "Бомба" во Владивостоке: "Город падал на меня с высоты сопки; он кренился к морю стенами спадающих отрогов. Густо вплотную кипел вокруг меня незнакомый быт. Люди в синих длиннополых халатах обтекали меня сплошной массой. Они плевали, скалили белые зубы, жестикулировали, спорили и переключались, певуче и горланно придыхая. Звуки вибрирующих струн слышались в их интонациях. Я не понимал не только их слов, но и их интонаций. Мне казалось, что они переругиваются и упрекают в чем-то один другого, а они вслед за тем хлопали друг друга

по плечу и заливались понимающим смехом. Их мимика, жесты, интонации были настроены по камертону чуждого мне быта" (Асеев 1927: 38).

* * *

Китайские кварталы в городах русского Дальнего Востока, как это обычно и происходит с поселениями китайцев за границей, воспроизводили традиционный китайский уклад жизни, практически не испытывая культурного влияния принимающей страны и оставаясь глубоко чужеродной средой для остальных горожан. Специфика дальневосточных городов заключалась в том, что многолетние попытки русской администрации как-то локализовать в пространстве эти своеобразные "анклавы Серединой империи", создать обособленные официальные китайские кварталы увенчались успехом лишь частично. В официальных чайнатаунах проживала лишь часть китайцев, работавших в городах, остальные мигранты всеми правдами и неправдами расселялись в закрытых для них районах, и их поселения были рассредоточены практически по всему городу.

В итоге ничего похожего на традиционную модель поселения китайцев в иностранных городах – когда китайский квартал, чайнатаун, представляет собой небольшую, строго фиксированную и обособленную часть города, – на русском Дальнем Востоке не было. Де-факто в дальневосточных городах были своеобразно переплетены несколько культурных традиций, существовавших и развивавшихся достаточно обособленно. Процесс взаимного культурного проникновения, едва-едва начавшийся, не получил продолжения, будучи полностью свернут после насильственного выселения корейцев и китайцев с Дальнего Востока.

Впрочем, до этих событий китайские кварталы были неотъемлемой частью облика дальневосточных городов. Более того – в связи с повсеместностью и экзотичностью китайской культурной компоненты, именно она часто становилась для стороннего наблюдателя доминирующей в восприятии дальневосточных городов.

Примечания

Автор благодарит д.и.н. К.М. Тертицкого за помощь в сборе материалов, использованных в статье.

¹ Архимандрит Палладий в "Дорожных заметках на пути от Пекина до Благовещенска через Маньчжурию в 1870 г." отмечал, что *маньцзы* – это не маньчжуры, а китайцы или выходцы из Китая. В основном массиве документов русского делопроизводства этнонимы "китайцы" и "манзы" выступают в качестве синонимов.

² *Банковка* – азартная китайская игра. Подробное описание правил банковской см.: Арсеньев 2004: 187–189.

Источники и литература

АВПРИ 1 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 148. Тихоокеанский стол. Оп. 487.

АВПРИ 2 – Архив внешней политики Российской империи. Ф. 327. Оп. 579. Д. 88.

Алексеев 1958 – Алексеев В.М. В старом Китае. М., 1958.

Алексеев 1966 – Алексеев В.М. Китайский народный театр и китайская народная картина // Китайская народная картина. М., 1966.

Арсеньев 2004 – Арсеньев В. Китайцы в Уссурийском крае // Хансен Ф. В страну будущего. М., 2004.

Асеев 1927 – Асеев Н. Октябрь на Дальнем // Новый Лиф. 1927. № 8–9. С. 38–49.

Бурачек Е., Бурачек В. 1999 – Бурачек Е.С., Бурачек В.В. Воспоминания заамурского моряка. До и после Владивостока. Владивосток, 1999.

- В настоящее время 1897 – В настоящее время // Владивосток. 1897. № 4. С. 10.
- Власова 2004 – Власова Е.Г. Пермь в местной фельетонистике конца XIX – начала XX в. // Гео-панорама русской культуры / Отв. ред. Л.О. Зайонц. М., 2004.
- ГАПК – Государственный архив Приморского края. Ф. 530. Оп. 1. Д. 17. Л. 192, 196.
- ГАХК – Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-44. Оп. 1. Д. 593. Л. 43.
- Граве 1912 – Граве В.В. Китайцы, корейцы и японцы в Приамурье. СПб., 1912.
- Духовская 1900 – Духовская В.Ф. Из моих воспоминаний. Ч. 2. СПб., 1900.
- Ежегодно до 28 февраля 1897 – Ежегодно до 28 февраля // Владивосток. 1897. № 9. С. 8.
- Знаменская 1895 – Знаменская П. Китайский город среди русского села // Дальний Восток. 1895. № 53. С. 2–3.
- Иванов 1914 – Иванов Л. Цзинь-лань-пу // Вестн. Азии. 1914. № 30.
- Игнатъев – Игнатъев А.А. Пятьдесят лет в строю // Военная литература (<http://militera.lib.ru>).
- Китайские праздничные представления 1896 – Китайские праздничные представления // Владивосток. 1896. № 15. С. 7.
- Корреспонденция 1896 – Корреспонденция. С. Никольское // Владивосток. 1896. № 10. С. 6.
- Матвеев 1990 – Матвеев Н.П. Краткий исторический очерк г. Владивостока. Владивосток. 1990.
- Местные китайцы 1896 – Местные китайцы // Владивосток. 1896. № 38. С. 9.
- Нестерова 2001 – Нестерова Е.И. Страницы истории создания китайских кварталов в русских дальневосточных городах в конце 19 – начале 20 вв. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 2. Благовещенск, 2001.
- От Владивостока 1894 – От Владивостока до Никольского по ж.д. // Дальний Восток. 1894. № 112.
- РГИАДВ 1 – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 28. Оп. 1.
- РГИАДВ 2 – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 1. Оп. 4. Д. 980.
- РГИАДВ 3 – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 702. Оп. 1. Д. 181.
- РГИАДВ 4 – Российский государственный исторический архив Дальнего Востока. Ф. 159. Оп. 1. Д. 21.
- Соколов – Соколов В.Н. Урочище Спортивной Гавани: мифология места // Фестиваль творческих подарков городу Владивостоку (<http://www.gorod-mechta.ru>).
- Соловьев 1989 – Соловьев Ф.В. Китайское отходничество на Дальнем Востоке России в эпоху капитализма (1861–1917 гг.). М., 1989.
- Сорокина 2001а – Сорокина Т.Н. К вопросу о благоустройстве китайского квартала в Благовещенске: 1912–1914 гг. // Россия и Китай на дальневосточных рубежах.
- Сорокина 2001б – Сорокина Т.Н. Китайские кварталы дальневосточных городов (конец XIX – начало XX в.) // Диаспоры. 2001. № 2–3.
- Шрейдер 1897 – Шрейдер Д.И. Наш Дальний Восток. СПб., 1897.
- Южаков 1894 – Южаков С.Н. Доброволец Петербург. СПб., 1894.
- Яворская 2002 – Яворская Е.Д. Деятельность Владивостокского городского управления по регламентации проживания китайского населения (вторая половина XIX – начало XX вв.) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Т. 3. Благовещенск, 2002.
- 3 мая местные китайцы 1896 – 3 мая местные китайцы // Владивосток. 1896. № 23. С. 8.

Special Section of the Issue: "Chinatowns" in Russia (guest editor: V.I. Dyatlov)

The influx of Chinese migrants to Russia has become not only a serious economic and demographic factor but also a focus of apprehensive social attention and contradictory federal and regional policies. Not surprisingly, it has also turned into an important subject in social science research. One of the "foci of attention and tension" has come to reside in the term *Chinatown*. There is a widely shared perception that Chinese migrants will inevitably settle in isolated urban areas, segregating themselves not only socially but

also territorially. The term itself, in the Russian context, has lost much of its original sense and turned into a metaphor, cliché, a symbol of "Chinazation".

There are no "Chinatowns" as such in Russia, but there is a *problem of Chinatowns*. Their possible emergence is seen by many as a potential (by some, as a real) threat to the country's security. This complex of fears and anxieties has already become a factor actually driving social and political development. But there is also a potential for the actual shaping of Chinatowns; thus, there have emerged certain "cores" that could be their likely embryos (Chinese markets, hotel and hostel complexes, etc.). Finally, there are precedents provided by the historical tradition of Russia: Chinese suburbs, so called *slobodas*, that had existed in pre-revolutionary Russian cities and towns.

These are the issues that the articles presented in this thematic selection attempt to address and explore. Victor Dyatlov's article offers an analysis of what is expected and what is feared in the view of possible emergence of Chinatowns. The "search" for Chinatown in Blagoveshchensk, a town located at the Russian-Chinese border, is a scholarly endeavour attempted in the article by Natalia Ryzhova. Considering a case of a hotel in Ulan-Ude, Natalia Sharmashkeeva demonstrates the ways in which a territorial concentration of social and professional networks and other migrant connections occurs. Elena Nesterova examines a history of Chinese settlements in the Far East of pre-revolutionary Russia. Tamara Troyakova presents a comparative view of Korean settlements in Primorie, providing an alternative example which is important for understanding mechanisms and problems of the process of forming a phenomenon such as "Chinatown".